

Клавдия Владимировна Лукашевич

Даша севастопольская

Клавдия Владимировна Лукашевич Даша севастопольская

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637685

Босоногая команда: Зерна; Рязань; 2005

Аннотация

«В окрестностях Севастополя, в одной из котловин инкерманских высот, на берегу большой бухты, находился поселок по названию Сухая Балка. В этом поселке дома были невзрачные, и жили в нем все люди небогатые, по преимуществу, семьи матросов. Беднее других был крайний домишко в Сухой Балке...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Клавдия Владимировна Лукашевич Даша севастопольская *Первая сестра милосердия*

I

В окрестностях Севастополя, в одной из котловин инкерманских высот, на берегу большой бухты, находился поселок по названию Сухая Балка. В этом поселке дома были невзрачные, и жили в нем все люди небогатые, по преимуществу, семьи матросов. Беднее других был крайний домишко в Сухой Балке. Он совсем почти развалился, крыша обветшала, забор покосился, одно окно заколочено доской: видно, некому было его поправить. Домишко этот принадлежал сиротке Даше. Мать ее давно умерла, а отца-матроса убили при Синопском сражении, когда девочке было тринадцать лет.

Даша жила одна-одинешенька, в большой бедности. Занималась она рукоделиями, ходила работать поденно и много видела горя за свою короткую жизнь. Тяжело живется на свете круглой сироте, осудит и обидит всякий, а заступятся, научат уму-разуму и приголубят немногие.

Жены матросов недолюбливали сиротку, иначе как «Дашка» ее не называли: «Дашка-де и неряха, она и грубиянка, и лентяйка...» Может быть, и правда, что не все делала, как следует, молоденькая девочка, да некому было научить беззащитную сироту. Разве изредка какой-нибудь старый матрос пожалеет и мимоходом перекинется словечком-другим с сироткой Дашей.

Время, с которого мы начинаем свой рассказ было тревожное. Носились зловещие слухи о войне, и никто не мог быть спокоен.

Один раз, дело было под вечер, Даша стояла, прислонившись к воротам своего дома. Это была маленькая, худенькая девочка лет пятнадцати, очень миловидная, с длинной, толстою, русою косою. Она задумалась и грустно переводила глаза с окрестных гор на море, где заходящее солнце золотило поверхность и где виднелось множество судов.

– Здорово, Даша! Что задумалась? – раздался неожиданно грубоватый мужской голос.

Девушка вздрогнула и очнулась. Перед ней стоял старый матрос, молодецкато сдвинув шапку на затылок, и курил трубку.

– Здравствуй, дядюшка! Присядь на скамеечку, дорогим гостем будешь!

Матрос сел.

– Как живешь, Дашенька?

– Плохо, дядюшка. Сам знаешь, каково жить сироте. На-

праплину скажут, обидят, – никто не заступится, не пожалеет.

– Такие ли бури бывают. Терпи... На то ты дочь матроса, чтобы штормов не бояться... Твой отец был ерой. За родину погиб...

Слезы набежали на глаза девушки, и она тяжело вздохнула.

– И то, дядюшка... иногда задумаешься об отце... Таково тяжело станет... Принял смерть, и родная рука глаз не закрыла.

Даша задумалась, но тотчас отерла слезы и спросила:

– А что, дядюшка, правда ли, говорят, что у нас скоро опять война будет?

– Может, и будет, может, и нет, – уклончиво отвечал матрос.

– Какое страшное дело эта война! Сколько народу безвинного погибнет... Сколько сирых останется.

– Тебе-то что, девушка? Терять тебе некого. На войну, пожалуй, тоже не возьмут. – Старый матрос рассмеялся.

– Подумать страшно, дядюшка, как воюют: кровь льется, раненые стонут и мучаются, умирают. Ох, как страшно!

– Уж это известное дело, когда война, тогда и раненые и убитые...

– Дядюшка, если будет война, я пойду за ранеными ухаживать... Ей Богу, пойду, – быстро проговорила Даша и сама улыбнулась на свою дикую мысль.

– Глупая ты, Даша... Недаром тебе от наших баб достается. Виданное ли это дело, чтобы девчонка на войну шла? Да если бы ты близко увидела сражение, ты бы от страха умерла. Глупая, как есть глупая! Зря говоришь и беду накликаешь...

Старый матрос выкурил трубку, выбил пепел, поднялся, кивнул Даше головой и, усмехаясь, пошел дальше.

Девушка опустила голову и глубоко задумалась.

А беда действительно была не за горами. Она подошла грозная и негаданная. Первого сентября 1854 года около крымских берегов показался огромный неприятельский флот. Неожиданность этого появления не дала возможности опомниться окрестным жителям и собраться уехать.

Переполох в Севастополе и окрестностях был ужасный: готовили корабли с орудиями, с провиантом, со снарядами; стойко собирались встретить врага солдаты и матросы.

В Севастополь прибыл сам адмирал Корнилов с подкреплением. Вокруг города был совершен крестный ход, и Корнилов обратился к войскам с горячею речью:

Знайте, ребята, отступления не будет, и если кто услышит, что я скомандую отступление, – пусть меня заколет!..

С необыкновенным оживлением были приняты слова Корнилова.

– Умрем за родное место! – отвечали севастопольцы.

Всюду закипела спешная работа: открылись все морские запасы доков, и с кораблей повезли пушки, цистерны, снаряды, лес и прочее.

Работали, так сказать, не переводя дыхания.

В Сухой Балке также все кинулись к бастионам. И старые и малые старались помогать своим же родным матросикам, – кто отцу, кто сыну, кто брату... Кто имел лошадь, отдал ее на бастион возить снаряды и землю; дети таскали лопаты; женщины работали дни и ночи наравне с мужчинами. У каждой на уме были ребятишки, свой угол, кой-какое добро, нажитое тяжелыми трудами, и сжималось сердце несчастных при мысли, что неприятель может разорить и истребить все.

Даша ходила как потерянная, тоже работала и часто плакала. Женам матросов иной раз даже досадно становилось: «Чего Дашка-то ревет?! Ей не о ком убиваться».

А бедная сирота думала какую-то неотступную думу и места не находила себе от сердечной тоски. Еще более осудили жены матросов Дашу, когда увидели однажды, что она остригла свою длинную, густую косу: «Совсем сдурела девчонка! Никак с ума рехнулась!» – говорили они.

Но долго в то время судить-рядить о таких пустяках не приходилось, и на Дашу все махнули рукой.

Слышно было, что неприятель высадился в 28 верстах от Севастополя, что там ожидается страшное, решительное сражение. Туда, на реку Альму, и потянулись войска Крымской армии.

В Сухой Балке находился еврейский шинок. Хозяин-еврей Мовша не только торговал водкой, но и брал под заклад вещи. К этому-то самому еврею в глухую, темную ночь при-

бежала Даша с огромным узлом в руках.

– Слушай, Мовша, купи у меня все мое обзаведение, – тревожно сказала она.

– Что же! У такой хорошей девицы купить можно.

– Тут подушки, постель, мое платьишко... Там в доме, возьмешь стол, стулья, сундук, посуда кой-какая... Все продаю...

– Знаю, знаю. За все и вместе с домом можно дать рублей десять...

– Есть ли у тебя совесть, Мовша?! – воскликнула Даша.

– Как же, есть, – отвечал еврей.

– Дом я свой не продам... Бери все за тридцать рублей...

Только дай мне в придачу еще матросскую одежду, да какую ни наешь белую полотняную тряпку.

Долго торговались они, и, наконец, за 19 рублей 35 копеек. Даша продала все свое имущество, а от еврея получила в придачу рваную простыню и старый матросский костюм, оставленный у него в заклад каким-то бедным матросиком.

– Что же, Дашка, ты бежать хочешь с Сухой Балки? – спрашивал Мовша, отсчитывая дрожащими руками деньги.

Девушка ничего не ответила, только закрыла лицо руками и залилась горькими слезами.

– Конечно, страшно: время такое! Ой-ой! Ни за что убьют, как собаку! – говорил сочувственно еврей.

После того он всем рассказывал, как перепугалась Дашка неприятеля, как она убежала с Сухой Балки и как она ревела

от страха.

Все ему верили.

II

Была темная ночь, лил дождь, дул холодный ветер. Трудно было что-нибудь различить в темноте.

По дороге от Севастополя к реке Альме слышалось какое-то глухое, сдержанное движение: шлепанье множества ног по лужам, поскрипывание колес, фыркание лошадей, бряцанье и сдержанный шепот. Лишь изредка выделялись один-два голоса и скоро умолкали...

– Кажется, не туда идем?..

– Нужно правее... Вон на тот огонек...

– Правое плечо вперед!

Огромная масса сворачивала с пути. Перед глазами стояла точно черная стена. Только мелькавший временами вдали огонь вызывал тихие разговоры.

Забрезживший на востоке рассвет озарил двигавшееся войско. Озябшие, измученные солдаты шли сосредоточенно, сознавая, что им предстоит что-то важное.

К утру дождь перестал. Сильный ветер нагонял с моря туман и становился все сильнее и порывистее. Небо временами прояснялось. Быстрое движение облаков с розовым оттенком казалось необычным и весьма странным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.